

Тиха ли *тишинка*? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *тишина* ‘детская болезнь’

Макшакова Татьяна Аркадьевна

Научный сотрудник

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

620000, проспект Ленина, д. 51, Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: Tatiana.Makshakova@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-5354-195X

Цитирование

Макшакова Т. А. Тиха ли *тишинка*? Этнолингвистический комментарий к русскому диалектному *тишина* ‘детская болезнь’ // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 281–296. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

Статья поступила в редакцию 12.11.2024.

Рецензирование завершено 04.02.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

В настоящей статье представлена попытка этнолингвистического осмысления одной детской болезни – рус. диал. *тишина*. Устанавливается территория бытования диалектизма *тишина* (с вариантами *утишинка*, *тихий*, *тихонький* и др.), приводится закрепленный за лексемой круг значений. Семантический спектр слова неоднороден: *тишиной* называют различные тяжелые детские заболевания (нервные припадки (эпилепсию), паралич, грыжу, столбняк, малярию, рахит и пр.). Однако для народного сознания дифференциальные характеристики подобных недугов несущественны, из-за чего *тишина* часто воспринимается как любая опасная для жизни ребенка болезнь. Подробно разбираются практики народной медицины, вписывающие рассматриваемый недуг в ряд заболеваний неясной или магической этиологии. Лечение *тишины* заговорами и приговорами – широко распространенными в русской деревне средствами – известно современным информантам, сами же заговорные тексты воспроизводятся неполно. Акциональная часть обряда излечения может быть представлена следующими ритуальными

действиями: *утишением / утешением*, парением в бане, снятием мерки с больного, «зарубанием» болезни, лечением святой водой, травами, накрыванием ребенка скатертью. Конкретизация отдельного метода осуществляется благодаря народно-этимологическим сближениям: в качестве чудесного помощника выбирается св. Тихон, икона которого используется в освящении воды для обряда. Само слово *тишина*, думается, стоит квалифицировать как эвфемизм, возникший в результате практики табуирования названий тяжелых болезней.

Ключевые слова

Детская болезнь, названия болезней, тишинка, эвфемизация, русская диалектная лексика, этнолингвистика.

Введение

Топонимическая экспедиция Уральского университета во время полевых выездов на территорию Костромской области, в которых принимал участие автор этой статьи, неоднократно фиксировала диалектизм *тишина* (*тишинка*), называющий разнообразные детские болезни (чаще всего с плачем и судорожными припадками). Информанты не только воспроизводят само название болезни, но и живо представляют ее проявления.

Описываемый диалектизм встречается не только в говорах Костромской области, а известен (с вариантами *утишинка*, *тихий*, *тихонький* и др.) жителям Новгородской, Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской областей и диалектоносителям Пермского края (паспортизация материала будет приведена ниже); таким образом, слово отмечено преимущественно в севернорусском наречии и в говорах вторичного заселения (уральских). В составе слова явно выделяется корень *тих-* // *тиш-*, но мотивация непрозрачна: перед нами архаичный¹ знак символического языка народной культуры, аккумулирующий в себе народные верования,

¹ О возможной архаичности слова (в кругу иной лексики народной медицины), говорится, к примеру, в (Ганцовская 1994: 80): «[...] в наиболее архаических восточных районах, каким является говор села Церковного на реке Понге в Кологривском районе, сохранились забытые и полузабытые в других местах названия детских болезней, а также их анамнез и способы лечения».

существующие на фоне магических практик. Задача этой статьи – охарактеризовать семантико-мотивационное своеобразие слова *тишина*, вписав его в широкий этнолингвистический контекст, связанный с народными верованиями и магическими практиками. В данной статье превалирует неопубликованный костромской материал, представленный в лексической картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (далее – ЛКТЭ).

Семантика слова и народные представления о течении болезни

За диалектным наименованием *тишина* скрывается ряд недугов, однако в сознании носителей традиции это отдельная болезнь. *Тишинка* – тяжелое заболевание, отличающееся высокой детской смертностью, поэтому неслучайно, что для ее наименования используется эвфемизм. Мотив эвфемизации названий опасных заболеваний в ряде случаев двойственен. С одной стороны, в народной среде широко бытуют представления о вокативной функции имени болезни, поэтому стоит избегать настоящего названия недуга, прибегая к эвфемистическим новациям. С другой стороны, называние болезни «воздействующим» именем предполагает влияние на нее в ходе сакральной коммуникации: «Защитные обряды народного целительства имеют коммуникативную направленность. Человек идет на контакт с болезнью до того момента, как она начала действовать» (Усачева 2008: 268). Показателен записанный в Череповецком уезде Новгородской губернии языковой факт – *смирѣнц*, *смирѣнчик* ‘родимчики у грудных детей и ревматизм у взрослых’ (Герасимов 1910: 80). Это слово, очевидно, называет желаемый результат излечения («усмирение» болезни и больного): наименование, эвфемистически скрывающее тяжесть недуга, должно повлиять на болезнь, ускорить выздоровление больного.

Отметим также, что в некоторых случаях название *тишина* переосмысляется: из эвфемистического наименования тяжелой детской болезни, сопровождающейся громким плачем, *тишина* превращается в симптоматическую номинацию (номинаруется симптом молчания ребенка): «У меня братик помирал от тишинки, умер. Он не плачет, ни звуку, ничего не делается, а его ломает. Болеют дети тишинкой, не спят, беспокоятся» (костр.) (ЛКТЭ).

Часто народная номенклатура болезней не соотносится ни с медицинской терминологией, ни с общенародными номинациями заболеваний, ср. замечание Г. И. Попова: «В основе местных названий

детских заболеваний почти всецело лежат суеверные представления о происхождении болезней и неопределенные, общие и ничего не выражающие признаки...» (Попов 1903: 176). Та же неопределенная референция характерна и для *тишины*. Прежде всего об этом свидетельствуют собственно языковые данные: на разных территориях (нередко и в рамках одного говора) *тишиной* называют разные заболевания. Обозначим основные из них:

– родимец, падучая («Родимец – это находит тишина на робенка, худобище; тихо замертвеёт, как замрет, а потом отходит») (перм.) (СПГ 2: 294), «Кто называет его [родимец] тихонький, одинаково и припадок – все одно» (новосиб.) (СРНГ 44: 145), «Его тихоньким трясет. Сидит, сидит, да бацнет, где попало» (новг.) (СРНГ 44: 146), «По своему происхождению, с этими болезнями сходна другая детская болезнь – родимчик (*eclampsia neonatorum*), который в некоторых местах Новгородск. г., в противоположность криксе, зовут “тихонький”» (Попов 1903: 24–25), ср. также костр. *тíшина-родíмец* ‘детское заболевание’ (ЛКТЭ);

– паралич («Дети умирали от т́шинки. Болезнь приходила внезапно, сначала и не заметить. Как паралич, вся спина чернела») (костр.) (ЛКТЭ);

– грыжа («Тишина – это грыза по-научному, и их двенадцать сортов. Они и нутряные, и верховые») (влг.) (СГРС Доп: 258));

– кожное заболевание («Это когда ребенок умирает, или человек умирает – и по тебе пойдет как т́шинка, вот эти синие пятна. Вот это я видела») (костр.) (ЛКТЭ)). Интересно также твер. *тиши́на* ‘болезнь у свиней’ – «Тиши́на – это болезнь у свиней, вылечивают ее врачи, поросенок делается синий, пятнам» (Селигер 7: 209). Думается, происхождение тверской номинации стоит связывать с названием тяжелой инфекционной болезни поросят – *болезнью Тешена*. Больные животные страдают от паралича, судорог и редко выздоравливают, что сближает это заболевание с *тишиной* в народном сознании;

– столбняк (сев.-двин. *тíшина* <1928> (СРНГ 44: 149));

– малярия (в дефиниции свердл. *т́шинка* – «Дети у меня все переболели тишинкой») (СРНГ 44: 149));

– рахит и другие заболевания, связанные с поздним зарастанием родничка (в составных наименованиях *тíшина-родíмец*: «Тишина-родимец на голове. Это место на голове мягкое бывает. Тишина-родимец на него напала – он заревелся») (костр.) (ЛКТЭ)) – etc.

Примечательно, что у *тишинок* в народной номенклатуре выделяются разновидности: «Ревучая тишинка – плачет, плачет,

тому́чая – как неразвитой (до пяти месяцев), едучая² – все ротиком хватает» (костр.) (Ганцовская: 381); «Тйшинок бывает 12 штук: падучая, едучая. При падучей сидячий все время, при едучей есть много» (костр.) (ЛКТЭ). Можно предположить, что эпитеты, дифференцирующие болезненные состояния, присоединяются к диалектизму *тишинка* по аналогии с названиями лихорадок – «двенадцати дочерей Иродовых»³. Показателен заговор, где у нескольких заболеваний, в том числе *тишины*, выделяется 12 вариантов: «[...] Сдуй, смахни с раба Божия (такого-то) 12 тишин, 12 камчужищев, 12 недужищев, 12 щиповых⁴, костовых и ломовых, жильных и полужильных, ключи-замки в воду, огонь в гору во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Андроников 1909: 21, Костромская губ.); (Виноградов 1908: 79, Костромская губ.).

Избавиться от *тишины* можно с помощью заговора. Заметим, что в заговорном тексте происходит смешение *тишины* со схожими заболеваниями: [Грязов. у. Волог. губ.] «[...] утишите, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, тишины, уроки, призоры и переполохи, и утишите, и усмирите у раба Божьева, Федора, уроки, призоры, тишины и переполохи. Подьте же вы, тишины, уроки, призоры, злая корци и переполохи, всякия скорби, болезни, на темные леса, на зеленую дуброву» (Попов 1903: 225).

Симптоматика *тишинки* как детской болезни разнообразна, но выделяются некоторые наиболее устойчивые линии:

1) безутешный плач (ср. названия детской бессонницы и ночного крика: рус. *плаксы*, *плаксица*, *плакунюшки*, *плаксы-ревсы*, *ревунюшки*, *вопун*⁵ и пр.): «Когда тйшина, сразу видно, что ребенок нездоровый: ревет, сильно плачет» (костр.) (ЛКТЭ);

2) нарушения сна: «У маленьких детей тйшинка, когда беспокоится, плохо спит» (костр.) (ЛКТЭ);

---

2 Ср. контекст, записанный сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в г. Кологрив Костромской обл.: «Тйшинка – это болезнь у детей такая, ребенок сытости не понимает. Только покормишь – он опять просит» (ЛКТЭ).

3 Ср. «...на встречу мне Тихон святой, кланяюсь я Тихону святому: “Возьми ты, батюшко, двенадцать прутов оловянных, железных и бей ты ими двенадцать Иродовых дочерей, чтоб они меня не трусили, костей моих не ломали – отныне и до века”» (Майков 1869: 52).

4 В материалах Н. Н. Виноградова (Виноградов 1908: 79) – *щировых*.

5 Приводится по (Агапкина 2010: 247–249).

3) судороги: «Тишина́, ребеночек заплачет, ручки переводит у его» (костр.) (ЛКТЭ); «И его (ребенка) я принесла домой, и он у меня ревет, и его вирохат, так вот ломает его, глазки навыватку» (костр.) (Там же);

4) лихорадка: «Болезнь такая, когда температура, озноб. Ребеночек вздрагивает весь. По-старинному называли “тíшина” и говорили, что плохой человек посмотрел, изуродовал» (костр.) (ЛКТЭ);

5) беспокоящие ребенка волоски на спине: «Ребенок плачет – у него тишýнка: как пушок на спинке, это как щетинка. Бабки лечили, заговаривали» (костр.) (Там же).

Прокомментируем выделяемый многими информантами симптом болезни – мешающие ребенку волоски на спине. Как нам кажется, подобные описания *тишины* свидетельствуют о смешении двух детских болезней – *тíшины* и *щети́нки*. По народным представлениям, *щети́нка* появляется у ребенка вследствие нарушения запретов матерью, ср. «Свиней беременной нельзя пинать – щетина у ребенка будет» (костр.) (ЛКТЭ). Чтобы «вывести» щетинку, женщина (мать ребенка или знахарка) должна замесить тесто и в бане «выкатать» этим тестом жесткие, как свиная щетина, волоски. Подобное лечение *щети́нки* отмечается и у прибалтийско-финских народов (Пашкова 2016), однако примечательно замеченное автором статьи расхождение: у русских, в отличие от карелов или финнов, устойчиво использование заговора во время совершения народно-медицинского обряда (Там же: 82). Очевидно, сближению *тíшины* и *щети́нки* способствует фонетическая близость слов: в говорах Костромской области нередко нормативном [ш'ш'] соответствует [шш] (ср. «Шшетýнка – дак месяц телепень и этим телепком шоркают по спинке» (костр.) (ЛКТЭ)), что делает возможным связь *тíшинки* и *щети́нки* через отношения точной метатезы.

Представления об этиологии болезни

Народная этиология *тишинки* та же, что и у других тяжелых заболеваний, известных диалектоносителю. Так, основной причиной возникновения *тишинки* признается испуг: «В воду-то сбухала, вытащили багром – дак нашла на меня тйшина, я испугалась. День лежала, два лежала. Мама: “Давай мы ее попарим”. Третий раз пропарила – весь испуг отошел. Меня дома нельзя было оставить. Или в коридоре под мост залезу» (костр.) (ЛКТЭ). Внезапность и беспричинность *тишинки* обуславливает восприятие болезни как негативного последствия сглаза: «Болезнь такая, когда температура, озноб. Ребеночек

вздрагивает весь. По-старинному называли “тíшина” и говорили, что плохой человек посмотрел, изуродовал» (костр.) (ЛКТЭ). Отметим, что на тех территориях, где *тишинкой*, по убеждению информантов, болели не только младенцы, но и дети постарше, бытует представление об этой болезни как о наказании за нарушение запрета: «Вот мы уснем, а мама нас не будила, нельзя будить-то, первый спень ведь уснули. Если разбудишь человека, когда он крепко спит, тишинка может выйти, трясти человека будет» (перм.) (СРГЮП 3: 229).

Фиксируются и более «прагматичные» этиологические контексты, в которых, однако, отражается важное свойство традиционного сознания – отождествление причины болезни и ее симптомов: «Заревливаются ребята – то и тíшина-то и находит. Нельзя давать ревить ребятам» (костр.) (ЛКТЭ).

Способы лечения в народной традиции

Лечение *тишинки* зачастую носит ритуально-магический характер: «В больнице-то там совсем другое – там ищут болезнь какую-то, а в деревне-то тишина» (костр.) (ЛКТЭ). Наиболее частым «деревенским» способом врачевания является произнесение заговорного текста, где, как уже упоминалось, *тишина* входит в комплекс болезней неясной или магической этиологии: «Снимаю с Раба Божия рев, переполох, испуг и тíшину. Из семидесяти косточек, из семидесяти суставчиков...» (костр.) (ЛТКЭ); «Имя говоришь, с младенца урóки, переполохи, взроги, материнские думы, полуношницу, полудённицу, тíшину с родímца» (костр.) (ЛКТЭ). Избавление от *тишины* с помощью нацеленной именно на этот недуг вербальной формулы возможно с помощью приговора: «Тихонький, тихонький, не ломайся над ребенком, а ломайся над лестницей» (Дерунов 1889: 326).

Как замечает Т. А. Агапкина (2010: 257), в восточнославянских заговорных текстах от детской бессонницы и плача может быть представлена одна из 6 стратегий избавления от болезни: уничтожение недуга; изгнание, удаление недуга от ребенка; просьба к посреднику забрать недуг (и дать ребенку сон); предложение об обмене с мифологическим посредником / вредителем или природным явлением; навязывание болезни запретов и других поведенческих предписаний; навязывание ребенку правильного поведения / сна. Как кажется, наиболее распространенная стратегия в заговорных текстах от *тíшины* (в том числе тех, где *тíшина* упоминается в ряду болезней) – обращение к посреднику с просьбой забрать недуг: «Царица небесная, сойми с рабица Божьей (имярек) // Уроки, переполохи, тишину-родимец...»

(костр.) (ЛКТЭ); «<...> архангел Михаил, возьми ты свое пламенное копьё и отразите у рабы Божией (имя рек) тишинки и родимца сновидящие, ревущие и отрыгающие ветры и пострелы, денные и ночные переполохи, и всякие скорби и болезни из семидесяти суставов...» (арх.) (Знатки 2012: 438–439); «Утренняя заря – Марья, // Вечерняя Дарья, // Полуденная – Маремьяна, // Снимите с раба (по имени) // Тишину-родимец, // Уроки-переполохи, // Во веки веков» (костр.) (ЛКТЭ). Обратим внимание, что законы народно-этимологической магии предписывают акциональное дублирование мотива. Так, обращаясь к заре, необходимо вынести больного *тишинкой* ребенка на зарю: «От тишины на зарю-то видно и носят, от рева» (костр.) (Там же), ср. наименования зари в заговоре, где отражается мотив крика, – *Заря Волска* и *Заря Крикса* (Майков 1869: 33). Как отмечалось выше, в ряде контекстов прослеживается смешение представлений о детских болезнях – *тишины* и *щетки*, во многом стимулируемое фонетическим сходством их названий. Так, некоторые приговоры от *тишины* должны произноситься в бане: «Каменка, полук, потолок, венник, // Снимите с младенца тишину-родимец, ношницу-полуношницу» (костр.) (ЛКТЭ).

Не менее «популярными» оказываются приговоры, служащие изгнанию недуга: «Тишинка и родимец, откуда пришли, туда идите» (костр.) (Там же), «Тишина, уроки, переполохи, уйдите с раба божьего» (костр.) (Там же). Отдельно отметим костромской заговорный текст: «Переполох и тишина, с Лизаветы Анатольевны сходила бы. Не боялась бы Лизавета Анатольевна ни мужского крика, ни женского говора, ни коровьего рева, ни собачьего лая, ни петушиного крика. Чур. Аминь» (ЛКТЭ). Как кажется, приведенный лечебный текст отличается от других приговоров тем, что отражает безадресную, грамматически оформленную в сослагательном наклонении просьбу. Подобное «смягчение» отгонной речевой формулы и отсутствие прямого обращения к болезни или посреднику в заговорных текстах от *тишины* встречается редко. В данном случае изгнание *тишины* мыслится через отрицание. Примечательно, что отрицается не симптом (восточнославянские заговоры, объединенные мотивом запрещения мучить человека, часто описывают именно симптоматику болезни (Агапкина 2010: 114–115)), а каузатор недуга – испуг. Магическая (стимулирующая) функция отрицания очевидна в следующем тексте: «Бабушка-соломатанька Иисуса Христа поивала в шелковое, пеленой пеленала, Иисус Христос не боялся ни тишины, ни уроков, ни переполохов» (костр.) (ЛКТЭ).

Логика языковых сближений порождает такой способ лечения больного ребенка, как *утишение* // *утешение*. Есть контексты, где фигурирует глагол *утишить* 'заставить замолчать': «Пойду я в Божью церковь, на Божьей церкви стоит престол, на престоле сидят три Божьи Матери: Парасковья, Настасья и Варвара. Я им покорюся и помолюся: **утишите**, усмирите у раба Божьева, младенца Федора, **тишины**, уроки, призоры и переполохи, и **утишите**, и усмирите у раба Божьева Федора, уроки, призоры, **тишины** и пореполохи. Подьте же вы, **тишины**, уроки, призоры, злыя корци и переполохи, всякия скорби, болезни, на темные леса, на зеленую дуброву» (Попов 1903: 225), ср. также варианты названия болезни костр. *утишинка*, *утишина-родимец* 'детская болезнь' (ЛКТЭ). В других контекстах появляется глагол *утешить* – здесь 'успокоить': «В тишине умер маленький, заревелся и все, никак не могли утешить. Качать надо, если не утешить, приходит смерть» (костр.) (ЛКТЭ). *Утешить* и *утишить* – омофоны, однако примечательно, что в приведенных контекстах актуализируется этимологическая связь глаголов: для *тешить* М. Фасмер (Фасмер: 54) предполагает связь с *тихий* посредством чередования гласных. Думается, появление *утешения* // *утишения* ребенка как самостоятельного способа излечения от *тишины* оказалось возможным благодаря важному принципу народного врачевания: лечить подобное подобным, ср., например, способы врачевания *утина* и *чемера* (Березович, Леонтьева 2021), грыжи, колики, волчьего лишая и пр. (Мороз 2003: 190–191).

Заговорные речевые формулы входят в магическое вербально-акциональное единство. Однако часто это единство распадается, оставляя в народной памяти только часть акциональную. Обозначим упоминаемые информантами магические действия, способствующие излечению ребенка от *тишины*:

– **парение**⁶ («Бабушки лечили раньше. Плачет ребенок, по ночам не спит. Лечили бабушки, отговаривали тишину. Парят у шестка у печки») (костр.) (ЛКТЭ);

– **снятие мерки** («Тишину лечили, они [бабки] молитву читали, нарядут нитку изо льна и ниткой ребенка меряют») (костр.) (Там же); «Надо ребенка положить на живот, руки за спину, ноги за спину и говорить. Крест-накрест руки и ноги. Потом этак перекрестить.

---

6 Ср. утверждение В. А. Андроникова (1909: 5), описывавшего средства народной медицины в Костромской губернии: «Важнейшим средством для излечения от всех почти болезней считается тепло; больных отправляют в баню и парят там на овсяной соломе».

Хоть в бане можно, хоть дома мёрить. Говорить так: “Мёряю раба́ Божьего [имярек], снимаю с его все уроки, переполохи, тишины...” (костр.) (Там же), ср. способ избавления от падучей, спровоцированной порчей: «Следует потихоньку измерить рост больного и отметить на стене избы, вколотивши небольшой клинчик: будто бы, припадки проходят, если больной “хоть на волос” перерастет эту заметку» (новг.) (Попов 1903: 221);

– «**зарубание**» болезни («Тішин родімец, молчит, синее, на волосок от смерти. Надо взять распашонку, вырезать тряпочку, тряпочку заколотить в осиновый кол» (костр.) (ЛКТЭ); «Вот раньше советовали, когда тішина начинается, берут кол какой-то, надо оторвать кусочек нижнего белья у ребенка и забить в землю» (костр.) (Там же)).

Отметим, что это деструктивное действие направлено на субститут болезни, метонимически связанный с больным ребенком⁷ (ср. «Другім сімвалічным намеснікам хворага выступае яго ніжня кашуля, якая ў народных вераваннях у час параксізму засяроджвала ў сабе ўласна хваробу і таму мусіла быць знішчанай» (Валодзіна: 253)). Кажется, подобное зарубание – «последнее» средство, работающее даже после смерти больного: «Если тішиной убило – переворачивается человек в могиле. [– А почему переворачивается?] – Дак оживает. Оживает. Да неправда это все. У нас мальчика тішиной убило. Дак выкапывали – открывали гроб. Не хотели открывать, да мама заморявкала» (костр.) (ЛКТЭ);

– лечение **святой водой**: «Надо взять три уголька в поварешку, налить воды. Вода-то зашипит и над этим надо прочитать молитву. И ребенка-то сбрызнуть. А потом за дом унести туда – на восток – через левое плечо. И надо сказать: “тішинка и родімец, откуда пришли, туда идите”. И выплеснуть через левое плечо, чтоб младенцу было легче» (костр.) (ЛКТЭ); «Ходили на межу, границу двух полей, брали оттуда земли, приносили к бабке-знахарке. Та клала землю “на воду”, заговаривала. Водой умывали и мыли ребенка» (костр.) (Ганцовская: 381).

Примечательно, что присвоение воде магических свойств может происходить через ее соприкосновение с иконой св. Тихона, что, безусловно, становится возможным благодаря народно-этимологическому

⁷ Ср. «комплексный» ритуал, сочетающий несколько стратегий магического лечения болезни: «Нитку суровую пряли, накладывали на ребенка и снимали. Потом кидали нитку и топтали ногами. Потом эту нитку сжигали. Так рев-переполох, тішины-родімцы снимали» (костр.) (ЛКТЭ).

сближению названий болезни и имени святого⁸: «Лечение: обмывают икону св. Тихона и эту воду дают пить» (Герасимов 1898: 168). Ср. заговор от падучей: «...Тихон Преподобный, Антип Водопол, утиши, утоми черную болезнь у раба Божия (имярек), из его белаго тела, с его костей, суставов и моздей, тридевять жил, тридевять костей <...> Все святые, Тихон Преподобный и Антип Водопол, отгоните от раба (имярек) черную боль!» (новг.) (Майков 1869: 96);

– лечение **травами**: «Трясет ребенка – тишина, травой поят, пижмой, кажется» (костр.) (ЛКТЭ).

Интересно, что информанты часто указывают конкретное растение, которое можно использовать в медицинских целях, однако на разных территориях собираются разные травы. Например, в «Словаре вологодских говоров» *ти́шина*: 1. По суеверным представлениям – детская болезнь, возникающая вследствие испуга. 2. Трава, применяемая в качестве успокоительного и снотворного средства, душица обыкновенная (СВГ 11: 25). В «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова попадает эшшольция (*Eschscholzia tenuifolia*), применение которой находят в той же Вологодской губернии: «От *тишин* варят в молоке, плотно закупоренном, и пьют» (Анненков 1878: 138). В Макарьевском районе Костромской области от *тишины* используют колокольчики (*Campanula*), для наименования которых на той же территории использовалась лексема *заря* (полное наименование – *заря лесная* (СРНГ 11: 15)), ср. представленные выше заговорные формулы, предполагающие обращение к заре: «Тишина у ребенка – колокольчики рвали. Заливали их горячей водой, настаивали, умывали ребеночка. Он успокоится, спит лучше. Молитовки были против тишины» (костр.) (ЛКТЭ). Можно также предположить, что выбор колокольчиков продиктован логикой противопоставлений: «тихую» болезнь лечат «громким» растением;

– накрывание ребенка **подвечной скатертью**: «У меня был Валенька, и у Валеньки тишинка, а у мамы была подвешенная скатерть, и я этой скатертью его покрывала» (костр.) (ЛКТЭ).

* * *

Представления о *тишинке* бытуют в русской деревне и сегодня. Известная диалектоносителям Костромской, Новгородской,

8 Ср. «Тихон утиши, смириху утоми, щекотун не щекоти. Давай рабу Божьему младенцу (имя) сон и покой» (север.) (Листова 2001: 626–627); также ср. русско-белорусское поверье, что на *Тихона* (День св. Тихона) птицы *затишают* (Ясинская 2003: 6).

Вологодской, Архангельской, Ленинградской, Новосибирской, Свердловской областей и Пермского края лексема *тишинка* имеет размытую референцию, не соотносясь точно ни с одним недугом во внеязыковой действительности. Широта, «диффузность» семантики рассмотренной языковой единицы препятствует ее интерпретации. Как кажется, *тишину* стоит воспринимать как пожелательную номинацию: по народным представлениям, произнесение имени болезни может как помочь человеку, так и навредить ему, поэтому выбор наименования недуга должен быть функционален (так, «правильное» имя болезни облегчает ее течение, см. *смирѣнчик* выше). Нередко «интегральность» традиционной культуры предполагает акциональное подкрепление вербального воздействия. Выполняемое врачом действие, с одной стороны, вписано в типический сценарий борьбы с тяжелой болезнью (парение больного и снятие мерки с него, «зарубание» болезни), с другой – индивидуализировано этимологической магией (больного *тишиной* «утишают» ‘успокаивают, делают «тихим»’, лечат травой *тишиной* и водой, освященной иконой св. Тихона). Полевые данные, собранные сотрудниками Топонимической экспедиции, позволяют предположить, что в практике лечения *тишины* постепенно утрачиваются заговоры – информанты «изгоняют» болезнь травами, парением и другими средствами традиционной медицины.

Слово с прозрачной внутренней формой (*тишина*, *тишинка*) оказывается темным в контексте выделения конкретного мотива номинации. Подобная «неопределенность» стимулирует народно-этимологические аттракции: *тишинка* – *тешить*, (болезнь) *Тешена*, *щетинка*, *Тихон*.

Источники и литература

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Андроников В. А. Страничка из истории народно-бытовой медицины // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26.VI.1906 г. Владимир: [б. и.], 1909. С. 1–30.

Анненков Н. И. Ботанический словарь : Справ. кн. для ботаников, сел. хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сел. жителей. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1878. 646 с.

Березович Е. Л., Леонтьева М. О. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер // Научный диалог. 2021. № 12. С. 50–70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Валодзіна Т. Цела чалавека. Слова, міф, рытуал. Мінск: Тэхналогія, 2009. 432 с.

Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 2. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения (Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко), 1909. 94 с.

Ганцовская Н. С. Народно-медицинская лексика в костромских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) – 1993. СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. С. 77–81.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. СПб.: Наука, 2013. 650 с.

Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 158–183.

Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910. Т. 87, № 3. С. 1–111.

Дерунов С. Я. Из русской народной космогонии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (Обычное право, обряды, верования и пр.). М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1889. Вып. 1. С. 324–334.

Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под ред. А. Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012. 592 с.

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 575–661.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб.: Типография Майкова, 1869. 164 с.

Мороз А. Б. Народная этимология и другие языковые средства воздействия на болезнь в славянских заговорах // Этимологические исследования. 2003. Вып. 8. С. 186–192.

Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. 404 с.

СГРС Доп. – Словарь говоров Русского Севера. Дополнительные материалы: А–М / гл. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. 608 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999–2002. Вып. 1–2.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова [и др.]. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.

Ясинская М. В. «Варвара varit, Герман гремит...». Народно-этимологическая интерпретация имен святых // Живая старина. 2003. № 3. С. 5–7.

References

Agapkina, T. A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Siuzhetika i obraz mira*. Moscow: Indrik, 2010, 824 p.

Berezovich, E. L., Leont'eva, M. O. “Leksika, oboznachaiushchaia poiasnitsu i poiasnichnuiu bol' v russkikh govorakh: utin i chemer.” *Nauchnyi dialog*, 2021, No 12, pp. 50–70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Iasinskaia, M. V. “Varvara varit, German gremit... Narodno-etimologicheskaiia interpretatsiia imen sviatykh.” *Zhivaia starina*, 2003, No 3, pp. 5–7.

Gantsovskaia, N. S. “Narodno-meditsinskaia leksika v Kostromskikh govorakh.” *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) – 1993*. St Petersburg: Izd. ILI RAN, 1994, pp. 77–81.

Gantsovskaia, N. S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ia: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi*. St Petersburg: Nauka, 2013, 650 p.

Listova, T. A. “Obriady i obychai, sviazannye s rozhdeniem i vospitaniem detei.” *Russkii Sever: etnicheskaiia istoriia i narodnaia kul'tura XII–XX veka*. Moscow: Nauka, 2001, pp. 575–661.

Moroz, A. B. “Narodnaia etimologiia i drugije iazykovyie sredstva vozdeistviia na bolezni' v slavianskikh zagovorakh.” *Etimologicheskie issledovaniia*, 2003, vol. 8, pp. 186–192.

Slovar' govorov Russkogo Severa. Dopolnitel'nye materialy: A – M, ed. by M. E. Ruth. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024, 608 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Slovar' permskikh govorov, ed. by A. N. Borisova, K. N. Prokosheva. Perm': Knizhnyi mir, 1999–2002. Vols. 1–2.

Slovar' russkikh govorov Iuzhnogo Prikam'ia, ed. by I. A. Podiukov, S. M. Pozdeeva, E. N. Svalova [et al.]. Perm': Izd-vo PGGPU, 2010–2012. Vols. 1–3.

Usach'ova, V. V. *Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2008, 368 p.

Valodzina, T. *Tsela chalaveka. Slova, mif, rytual*. Minsk: Tekhnalogiia, 2009, 432 p.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. Per. s nem. i dop.* O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1987, vol. 4.

Znatki, veduny i chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaia magiia na Russkom Severe, ed. by A. B. Moroz. Moscow: Forum; Neolit, 2012, 592 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

T. A. Makshakova

Is the Tishinka Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’

Tatiana A. Makshakova

Junior Researcher

Ural Federal University

620000, Prospect Lenina 51, Ekaterinburg, Russian Federation

E-mail: Tatiana.Makshakova@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-5354-195X

Citation

Makshakova T. A. Is the *Tishinka* Quiet? An Ethnolinguistic Commentary on the Russian Dialect Word *Tishina* ‘Childhood Illness’ // *Slavic Almanac*. 2025. No 1–2. P. 281–296 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.12

Received: 12.11.2024.

Revised: 04.02.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

This article presents an attempt at ethnolinguistic understanding of one childhood disease, which is called in the Russian dialect *tishinka*.

The territory of the dialectal *tishina* is established (with the variants *utishinka*, *tichij*, *tichon'kij*, etc.), the circle of meanings assigned to the lexeme is given. The semantic spectrum of the word is non-uniform: *tishina* refers to various severe childhood diseases (seizures (epilepsy), paralysis, hernia, tetanus, malaria, rickets, etc.). However, for the national consciousness, the differential characteristics of such ailments are insignificant, which is why *tishina* is often perceived as any disease dangerous to a child's life. The practices of traditional medicine are analyzed in detail, which include the disease in question in a number of diseases of unclear or magical etiology. The treatment of *tishina* with spells (*zagovor* or *prigovor*) – means widely used in the Russian countryside – is known to modern informants, but the spell texts themselves are not reproduced fully. The action part of the healing rite can be represented by the following ritual actions: soothing / comforting, soaping in the bath, taking measurements from the patient, “cutting” the disease, treating with holy water, herbs, covering the child with a tablecloth. The concretization of a separate method is carried out due to folk etymological approaches: St. Tikhon is chosen as a mystical assistant, his icon used in the consecration of water for the rite. The word *tishina* itself should be qualified as a euphemism that arose as a result of the practice of tabooing the names of serious diseases.

Keywords

Childhood disease, names of diseases, tishinka, euphemization, Russian dialect vocabulary, ethnolinguistics.